

УДК 341.231.14

DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-2-156-168

EDN: FTRNBY

Оригинальная научная статья

Право на достойное существование в дореволюционной философии права в контексте обоснования социально-экономических прав человека и гражданина

Н. А. Шавеко

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук,

Екатеринбург, Российская Федерация

✉ shavekonikolai@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу взглядов основных сторонников права на достойное существование в отечественной мысли и призвана критически осмыслить указанные взгляды, тем самым внести вклад в существующие в современной российской науке исследования вопроса о том, существует ли право на достойное существование и в чем именно оно состоит. С этой целью исследуются взгляды дореволюционных мыслителей В. С. Соловьева, П. И. Новгородцева, И. А. Покровского, Б. А. Кистяковского и С. И. Гессена на рассматриваемую проблему, выявляется их генезис. Сравнительный анализ данных взглядов демонстрирует наличие ключевых разногласий по следующим вопросам: 1) следует ли признавать только право на существование как таковое (Покровский) или право именно на достойное существование (Новгородцев); 2) должно ли право на достойное существование оставаться моральным правом (Соловьев) или также позитивным правом (Кистяковский); 3) подразумевает ли право на достойное существование переход от капитализма к социализму (Кистяковский) или нет (Новгородцев). Названными мыслителями не разрешен ряд принципиальных вопросов, необходимых для обоснования любого субъективного права (морального или позитивного), при этом зависимость предложенных обоснований от социально-экономического контекста не позволяет назвать право на достойное существование в качестве естественного, безусловного и неотчуждаемого. В целях разрешения указанных проблем автор обращается к западной философско-правовой традиции. Демонстрируется, что существующие на Западе попытки отыскать моральные основания прав человека тесно связаны со стремлением обеспечить каждому человеку некоторый достойный уровень существования. Попытка найти общее обоснование для прав человека как первого, так и второго поколения, выливается в то, что проблемы, с которыми сталкиваются попытки обоснования права на достойное существование, распространяются на обоснование прав человека в целом. В качестве одного из способов решения вышеуказанных сложностей предлагается рассмотрение социально-экономических прав лишь как средства, обеспечивающего права личные и политические, а не как средства обеспечения некоторого «достойного» существования. Но в этом случае право на достойное существование вряд ли получится отнести к категории универсальных прав человека.

Ключевые слова: достойное существование, социально-экономические права, второе поколение прав человека, социализм, права человека

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шавеко Н. А. Право на достойное существование в дореволюционной философии права в контексте обоснования социально-экономических прав человека и гражданина // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 2. С. 156–168. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-2-156-168>. EDN: <https://elibrary.ru/ftmby>

Original scientific article

The Concept of the Right to a Dignified Life in Pre-Revolutionary Legal Philosophy, Particularly in Relation to the Justification of Socio-Economic Rights

N. A. Shaveko

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russian Federation

✉ shavekonikolai@gmail.com

Abstract. The article conducts a comparative analysis of perspectives held by key advocates of the right to a dignified life in Russia, while also critically reflecting on these viewpoints. This contributes to the ongoing discourse within contemporary Russian scholarship on the existence and implications of the right to a dignified life. To this end, the views of pre-revolutionary thinkers are considered including S. Solovyov, P. I. Novgorodtsev, I. A. Pokrovsky, B. A. Kistiakovsky and S. I. Gessen regarding the problem and their development. A comparative analysis of these perspectives highlights significant divergences on the following matters: 1) whether to acknowledge solely the right to life itself (as advocated by Pokrovsky) or the right to a dignified life (as argued by Novgorodtsev); 2) whether the right to a dignified life should remain solely a moral entitlement (as suggested by Solovyov) or also encompass a positive legal entitlement (as posited by Kistiakovsky); 3) whether the right to a dignified life necessitates a transition from capitalism to socialism (as proposed by Kistiakovsky) or not (as contended by Novgorodtsev). These thinkers have yet to resolve several fundamental issues essential for substantiating any subjective right, whether moral or positive. Furthermore, the reliance of their proposed justifications on the socio-economic context prevents the recognition of the right to a dignified life as natural, unconditional, and inalienable. To address these issues, the author draws upon the Western philosophical and legal tradition. It has been shown that Western scholars' efforts to establish the moral foundations of human rights are closely tied to the aspiration of ensuring a decent standard of living for every individual. A common rationale for both first- and second-generation human rights lies in the challenges associated with justifying the right to a dignified life. These challenges highlight the broader difficulties in justifying human rights as a whole. As a potential solution to the aforementioned challenges, it is suggested to view socio-economic rights solely as a mechanism for safeguarding personal and political rights, rather than as a means to guarantee a "dignified" life. But in this case, the right to a dignified life is unlikely to be classified as a universal human right.

Keywords: dignified life, socio-economic rights, second generation of human rights, socialism, human rights

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Shaveko N. A. The Concept of the Right to a Dignified Life in Pre-Revolutionary Legal Philosophy, Particularly in Relation to the Justification of Socio-Economic Rights. *Siberian Law Review*. 2024;21(2):156-168. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-2-156-168>. EDN: <https://elibrary.ru/ftnby> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Дискуссии о праве на достойное человеческое существование, характерные для отечественной философской мысли конца XIX – начала XX вв., были тесно связаны с зародившимися в то время

на Западе идеями «нового», или «социального» либерализма, который наряду с марксистскими, социал-демократическими и иными течениями выступил теоретической основой закрепления прав человека нового поколения, а именно

социально-экономических прав. Особое значение для российской науки имели сочинения следующих правоведов: австрийского юриста А. Менгера, который в качестве такого рода прав называл право на труд, на полный продукт труда и право на существование; немецкого ученого Г. Еллинека, разработавшего оригинальное учение о субъективных публичных (т. е. связанных с адресованными государству притязаниями) правах личности и называвшего среди них права на положительные действия со стороны государства; французского юриста Л. Дюги, который разработал собственную теорию социальной политики государства, избегающую крайностей либерализма и социализма [1]. При этом право на достойное существование осмыслялось не только как одно из социально-экономических прав (пусть даже и центральное), подчиненное, как и остальные права человека, идее достоинства, но и как сущность и цель идеи социального государства [2, с. 49].

Данная статья посвящена сравнительному анализу взглядов основных сторонников права на достойное существование в отечественной мысли и призвана критически осмыслить их, тем самым внести вклад в исследование вопроса о том, существует ли право на достойное существование и в чем именно оно состоит.

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ МЫСЛИТЕЛИ О ПРАВЕ НА ДОСТОЙНОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ

Впервые о праве на существование (причем именно в контексте достойного существования) в отечественной литературе упомянул А. П. Куницын еще в первой четверти XIX в. [3, с. 233]. Однако дальнейшее развитие в России идея права человека на достойное существование получила у В. С. Соловьева в его magnum opus «Оправдание добра», где автор указывал, что человек должен восприниматься не только как средство, но и как цель

общей деятельности. Именно отношение к рабочему и крестьянину как к цели, а не конкретный уровень материального богатства философ считал главным критерием достойного существования. Несовместимым с человеческим достоинством В. С. Соловьев называл труд: 1) имеющий исключительно и грубо механический характер («унизительный»); 2) требующий чрезмерного напряжения мускульной силы («тяжелый»); 3) «сам по себе не тяжелый и не унизительный», но «по своей ежедневной продолжительности поглощает *все* время и *все* силы рабочего, так что те немногие часы, которые прерывают работу, необходимо отдаются физическому отдыху, а для мыслей и забот идеального и духовного порядка не остается времени и сил» [4, с. 421]. Каждый из этих видов труда препятствует личностному развитию, поскольку даже после окончания рабочего дня и в выходные дни у человека остается лишь «потребность разгула и самозабвения», а не желание самосовершенствования. Размер заработка, впрочем, также может свидетельствовать о недостойном существовании. Соловьев приводит в пример случаи, когда размер заработка оказывает влияние на продолжительность жизни [4, с. 422–423]. Общий вывод философа таков: «Итак, с нравственной точки зрения требуется, чтобы каждый человек имел не только обеспеченные средства к существованию (т. е. пищу, одежду и жилище с теплом и воздухом) и достаточный физический *отдых*, но чтобы он мог также пользоваться и *досугом* для своего духовного совершенствования. Это и *только это* требуется *безусловно* для всего крестьянина и рабочего, *лишнее же от лукавого*» [4, с. 423]. Соловьев, в частности, высказывался резко против полного уравнивания собственности. Важно подчеркнуть, что обоснованием права на достойное человеческое существование было у философа нравственное предназначение человека,

хотя право лишь создает возможности для реализации данного предназначения, а не понуждает к этому. В этом смысле право на достойное существование – это часть общей концепции «права как минимума нравственности», которой придерживался В. С. Соловьев [5, с. 125–131].

В последующем разработкой права на достойное человеческое существование занялись правоведы П. И. Новгородцев, И. А. Покровский, Б. А. Кистяковский и С. И. Гессен.

По мнению П. И. Новгородцева, отстаивающего право на достойное человеческое существование как одно из выражений общественного идеала, под этим правом следует понимать «не положительное содержание общественного идеала, а только отрицание тех условий, которые совершенно исключают возможность достойной человеческой жизни» [6, с. 4]. В частности, необходимо каждого человека «освободить от гнета таких условий жизни, которые убивают человека физически и нравственно» [6, с. 6]. Критикуя позицию Б. Н. Чичерина, во имя свободы отрицающего перераспределение богатств, Новгородцев замечает, что «пользование свободой может быть совершенно парализовано недостатком средств». Помимо этого, фикцией из-за чрезвычайного социального (экономического) неравенства может оказаться и формальное (правовое) равенство лиц. Иными словами, право на достойное человеческое существование Новгородцев видит средством для создания материальных условий осуществления общего идеала свободы и равенства личностей. Ученый признает, что точную границу достойного уровня жизни определить нельзя, но право может хотя бы идти от противного, учитывая стандарты конкретного общества: «Можно спорить о восьми или девятичасовом рабочем дне, но совершенно очевидно, что пятнадцать или восемнадцать часов работы есть бесовская эксплуатация. Можно спорить

о возможных размерах жилища в сторону отклонения вверх от минимальной нормы; но бесспорно, что темные и сырые подвалы противоречат всяким нормам допустимого и возможного» [6, с. 8]. Важно, что в контексте права человека на достойное существование Новгородцев отстаивает необходимость закрепления в законодательстве конкретных субъективных социально-трудовых прав. При этом право на достойное существование является лишь одним из аспектов целостного учения Новгородцева об общественном идеале. Абсолютный идеал ученый видит в человеческой личности [7, с. 456], которую следует понимать во всей ее индивидуальности [7, с. 459], в общественной же сфере данный идеал проявляется в принципах свободы и равенства, а достойное существование призвано обеспечить реализацию данных принципов.

И. А. Покровский, характеризуя сложившиеся развитые правовые порядки, сетовал на то, что забота государства о нуждающихся вызвана вниманием не к интересам личности, а к государственным интересам, среди которых автор называет «опасение развития преступлений, болезней, умножения народного недовольства» [8, с. 26]. Следовательно, хотя государство и устанавливает для себя обязанность общественного призрения, у отдельного индивида нет субъективного права требовать соответствующей помощи. Значит, объем общественного призрения фактически определяется, скорее, не действительной нуждой, а состоянием финансов и благотворительными намерениями государства. Считая сложившуюся ситуацию несправедливой, Покровский утверждал, что современные ему общества объективно характеризуются тесной духовной и экономической взаимосвязанностью своих членов, поэтому в принципе невозможно выделить ту долю общественного продукта, которую создал отдельный индивид; нераздельность вкладов в свою очередь

влечет нераздельность ответственности: в условиях круговой поруки каждый вправе требовать от всего общества поддержки в критическую минуту [8, с. 33]. Но чтобы данное субъективное право было обеспечено, каждый член общества должен нести соответствующие расходы пропорционально выгодам, которые он получает от своего членства (т. е. должен быть введен прогрессивный налог) [8, с. 37]. Покровский критикует Новгородцева за нечеткость формулировок и полагает, что правильнее говорить не о праве на достойное существование, а просто о праве на существование, поскольку необходимые для простого выживания условия являются более четким и общепризнанным критерием. Только относительно условий, необходимых для простого выживания, по мнению Покровского, индивид имеет оплаченное обществом субъективное право и связанные с ним притязания по отношению к государству [1, с. 104–105]. Право на помощь в целях выживания, согласно ученому, должны иметь как нетрудоспособные, так и трудоспособные, но безработные лица (последних государство должно обеспечить либо минимальным содержанием, либо работой, размер оплаты которой всегда бывает выше, чем пособие по безработице) [8, с. 37–39]. Действительные труженики, таким образом, при всей скудости их жизни, по мысли Покровского, не являются субъектами права на существование. Ситуация, при которой их заработок оказывается недостаточным для выживания, кажется Покровскому немыслимой, поэтому он не называет в качестве субъектов права на существование малоимущих рабочих. Легко заметить, что ученый фактически рассматривает совершенно не тот вопрос, который интересовал Соловьева и Новгородцева, поскольку выживание работника еще не делает его жизнь достойной того, чтобы быть прожитой. Это и приводит к тому, что Покровский не свя-

зывает право на труд и право на существование. Но данный автор, по крайней мере, верно отмечает, что раз установление права на достойное существование в том виде, в котором его отстаивает Новгородцев, было бы решением социального вопроса в целом, то оно подразумевает полное уничтожение частной собственности на капитал, и в этом смысле Новгородцев мог бы быть последовательнее.

Именно такой путь предлагал Б. А. Кистяковский, который полемизировал с И. А. Покровским по вопросу социалистического государства. В первую очередь, Кистяковский критикует В. С. Соловьева за то, что тот обосновывал обязанность государства обеспечивать достойное человеческое существование мотивом жалости, любви и милосердия, и предлагает вместо этого конструкцию субъективного публичного права, которую он заимствует у Г. Еллинека [9, с. 343–344]. Но при этом обобществление средств производства Кистяковский видел неизменным условием обеспечения права на достойное человеческое существование, которое включает «право на труд, т. е. право пользоваться землей и другими орудиями производства наравне с другими для приложения своего труда и достижения известных хозяйственных целей», «право каждого на развитие всех своих способностей и на применение своего труда к той области, которая наиболее соответствует талантам каждого, и, наконец, право на участие во всех материальных и духовных благах, создаваемых современной культурой» [9, с. 337–340]. В своей оригинальной концепции социалистического государства как высшей стадии развития правового государства (а речь у Кистяковского идет, вопреки имеющимся в литературе трактовкам [10, с. 28], по существу, именно о социалистическом, а не социальном государстве) ученый исходит из того, что именно «в результате изъятия средств

производства из гражданско-правового оборота и их превращения в общенародное достояние образуется группа прав на положительные услуги со стороны государства» [1, с. 102] (в том числе субъективное публичное право на достойное существование). Получив субъективное право требовать от государства обеспечения достойного существования, мы в большей степени приблизимся к идеальному государству, роль которого заключается в том, что оно «облагораживает и возвышает человека. Оно дает ему возможность развивать лучшие стороны своей природы и осуществлять идеальные цели» [9, с. 325]. Таким образом, «Кистяковский рассматривает право на достойное существование в качестве выражения стремления к экономической свободе, посредством которой индивид может также обрести другие свободы – духовную и общественную» [1, с. 102].

В свою очередь С. И. Гессен занял позицию между точками зрения Новгородцева и Кистяковского. Подобно первому, он рассматривает проблему права на достойное человеческое существование через сопоставление классического либерализма и либерализма нового, возникшего под влиянием критикующих классический либерализм социалистических и коммунистических идей и признающего «положительные обязанности» государства (будучи педагогом, Гессен подчеркивает при этом право на образование). В отличие от коммунистов, автор поддерживает «правду либерализма», выражающуюся в господстве права, в свободе, равенстве и частной собственности. Однако он полагает, что эксплуатация превращает эти идеалы в фикцию. В отличие от классических либералов, он видит возможность решить эти вопросы государственно-правовыми средствами, а не ссылками на благотворительность и нравственность. Но Гессен не спешит отстаивать полное обобществление средств производства или иные безусловные меры.

«Эксплуатация, – пишет Гессен, – имеется всюду там, где человек обезличивается до невозможности удовлетворить свои самые минимальные духовные потребности» [11, с. 173]. Эта формулировка, как представляется, очень близка идеям Соловьева. Подобно ему, Гессен ссылается на разумный, помогающий внутреннему (духовному) развитию личности досуг, делая само это развитие главным критерием. Жизнь, направленная лишь на продолжение существования и воспроизведение рода, «где каждый день повторяет день предыдущий», где нет уверенности в завтрашнем дне и царствует механический и опустошающий душу труд, свидетельствует об эксплуатации [11, с. 174].

Но Гессен также указывает еще на один аспект эксплуатации, который не замечается, в том числе, и «новым либерализмом», а именно на приравненность рабочих и их труда к безликому товару и к простому средству удовлетворения потребностей (причем «потребностей мнимых и общественно вредных»). По мнению мыслителя, рабочие, «совершенно отстраненные от участия в руководстве производством... принуждены к тому же сплошь и рядом участвовать в производстве продуктов, удовлетворяющих очевидно мнимым и общественно вредным потребностям, производимым единственно потому, что собственники реализуют с их помощью “ценностную разность”» [11, с. 174].

Следовательно, «повышение материального уровня жизни рабочего класса далеко не разрешает еще проблемы эксплуатации», хотя и является необходимым шагом для обеспечения «непроницаемости личности» и непревращения личности в простое средство удовлетворения чужих потребностей [11, с. 175–177, 227]. Поскольку суть либерализма изначально состояла в критике крепостной зависимости и сословных привилегий, постольку этот пафос должен быть продолжен

реформированием самой экономической системы.

В чем должно заключаться такое реформирование? Гессен не считает возможным описать раз и навсегда безусловно совершенное общественное устройство, но, симпатизируя гильдейскому социализму, подчеркивает ряд тезисов. Во-первых, мыслитель говорит о необходимости восстановления творчески-активного отношения человека к вещи (которое в классическом либерализме изначально и служило оправданием права собственности), что достигается перераспределением собственности (по общему правилу, с предоставлением выкупа или справедливого возмещения [12, с. 125, 135]). Коллективизация собственности, по Гессену, в целом является естественным следствием такого реформирования, хотя уместность ее в каждом конкретном случае обсуждается [11, с. 213]. Во-вторых, цели производства должны определяться не столько субъективным стремлением предпринимателя к наживе и объективными условиями рынка (ведь таковые скорее предупреждают потребности, чем удовлетворяют их), сколько потребностями культурного развития, которым они служат (отсюда симпатии Гессена к идеям рабочего контроля и тред-юнионам) [11, с. 228, 356–357]. В-третьих, «ценностная разность» (маржа, прибыль) не должна присваиваться только капиталистом, а должна частично обобществляться (через налоги), так как получается в результате совокупной деятельности всех общественных, в том числе случайных, сил [11, с. 208–210]. При этом Гессен считает, что государство не должно предписывать предпринимателям конкретные хозяйственные задачи, а собственникам – конкретные способы использования своих вещей, иначе идея Права будет подменена идеей Блага, что привело бы к отказу от принципа правового государства [11, с. 195, 229]. Представляется, что изло-

женные выводы Гессена чрезвычайно актуальны в современной действительности, демонстрируя, что проблема достойного существования касается не только развивающихся стран или бедных слоев населения, но и развитых стран и состоятельных людей, ставших жертвами «общества потребления».

Право на достойное существование в контексте проблематики социально- экономических прав

К сожалению, в трудах отечественных философов отсутствует четкий ответ на вопрос о том, в чем именно состоит тот «минимум», который гарантирует сохранение достоинства человека. Так, в трудах П. И. Новгородцева красной нитью проходит идея равенства возможностей, «равенства исходного пункта» [13, с. 316]. Ученый писал, что суть этой идеи в том, чтобы обеспечить необходимые условия для достойного человеческого существования. Указывая, что данная идея не может получить точного материального определения, поскольку в каждом обществе имеется собственный *standart of life* и свой предел, за которым начинается недопустимая крайность, он лишь отмечал, что равенство возможностей означает не уравнивание личного имущества каждого, а усиление и доведение «до возможно больших размеров» общественного фонда (образовательные и культурные учреждения, больницы и приюты и пр.) [13, с. 318–319]. Между тем очевидно, что увеличение общественной собственности до максимума попросту исключит собственность личную, поэтому мы должны определить известные границы. Аналогично и С. И. Гессен, называя понятие минимума существенным, признает тот факт, что «в действительности иногда очень трудно бывает соблюсти меру и не преступить той грани, за которой ограждающий право минимум блага

переходит в игнорирующее право лица благо» [11, с. 199]. Главный вопрос, который стоял в начале XX в. перед русской интеллигенцией, таков: станет ли этой границей отмена частной собственности на средства производства. Данный вопрос в итоге был решен не теоретически, а практически, путем Октябрьского переворота 1917 г.

Существует также ряд вопросов, связанных с достойным существованием человека, которые русские мыслители, к сожалению, вообще не поднимали, например: сохраняется ли у государства или иного обязанного субъекта моральная обязанность по обеспечению достойного уровня жизни, если исполнить ее невозможно по объективным причинам; сохраняется ли у человека право на достойное человеческое существование, если государство разрушено или не существует, и кто тогда становится обязанным лицом; какие именно действия должно совершить обязанное лицо для обеспечения права на достойное существование; какие контрмеры вправе принять человек, право на достойное существование которого нарушается. Подобные вопросы неизбежны при обсуждении любого субъективного права. Не случайно далеко не все российские правоведы отстаивали именно юридическую (а не моральную) природу права на достойное существование. Так, Ф. В. Тарановский рассматривал право на существование лишь «в качестве рефлекса односторонней обязанности, принимаемой на себя государством в постоянно изменяющихся социально-экономических и политических условиях» [1, с. 100]. Между тем даже сугубо моральное обоснование того или иного права требует внятных ответов на вышеуказанные вопросы (различие между моральным и юридическим обоснованием связано лишь с особенностями механизма правореализации, т. е. с практическими трудностями, но не с теоретическим обоснованием).

Соответственно, дискуссии о праве на достойное существование, прерванные 1917 г., следует продолжить, что, в принципе, и происходит в современной теории и философии права, и можно только приветствовать указанную тенденцию. На наш взгляд, продуктивным продолжением указанных дискуссий могло бы стать рассмотрение права на достойное человеческое существование в контексте социально-экономических прав в целом (так называемого второго поколения прав человека). Ведь фактически те проблемы, которые свойственны обоснованиям права на достойное человеческое существование, касаются всех прав человека второго поколения. Основная причина, по которой эти права для многих являются менее убедительными, чем права человека первого поколения, связана с неясностью того, где должна проходить их граница. Важно также понимать, что поскольку сама постановка вопроса о праве на достойное существование инспирирована западными мыслителями, постольку и сегодня задача состоит не просто в изучении творческого наследия отечественных авторов, но и в осмыслении западной философской традиции.

Полагаем, споры возникают потому, что в политической философии существует два различных подхода к обоснованию прав человека. Так, концепция прав человека берет свое начало в доктрине естественных прав, разработанной философами Нового времени (Гроций, Спиноза, Гоббс, Локк, Руссо, Монтескье и др.). Согласно этой доктрине каждому человеку от рождения принадлежат некие естественные права, для обеспечения которых и на условиях защиты которых люди объединяются в общество с себе подобными, и это общество устанавливает над собой некоторую публичную власть. Все люди при этом предполагались равными в своих естественных правах, а сами эти естественные права рассматривались как средство реализации заложенной в каждом из нас свободы. Поскольку задача

публичной власти состоит лишь в том, чтобы посредством закона обеспечивать и защищать естественные права членов общества, постольку сложившийся идеал правового государства подразумевал, что оно (правовое государство) не вмешивается в подавляющее большинство отношений, существующих внутри гражданского общества. В этой первоначальной картине под правами человека понимаются лишь личные (гражданские) и политические права. Впоследствии индустриальная эпоха продемонстрировала, что никакого политического равенства и никакого свободного выбора не может быть, если человеку не обеспечены некоторые другие (социально-экономические и культурные) права. Однако эти новые права можно понимать двояко. Если рассматривать их лишь как средство обеспечения личных и политических прав, то мы придем к одному, более узкому, перечню. Если же рассматривать их как способ обеспечить некое полноценное развитие человеческих потенций, то мы придем к другому, более широкому перечню. Действительно, ничто в первоначальном перечне личных и политических прав не подразумевает, что имея их, человек будет жить счастливо, поддерживать некий уровень материального благосостояния, реализовать себя и т. д. Скорее, эти права человека рассматривались лишь как некая минимальная гарантия подобного исхода. Другое дело, если мы хотим обеспечить именно «достойную» жизнь, а не просто гарантировать некоторые предпосылки для нее.

КАТЕГОРИЯ ДОСТОЙНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ЗАПАДНЫХ ОБОСНОВАНИЯХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Рассмотрим в связи с этим некоторые обоснования прав человека, которые встречаются в современной западной философии. Сегодня далеко не все считают, что права человека вообще должны быть

или могут быть обоснованы. Одни ученые, такие как А. Этциони, полагают эти права самоочевидными и не требующими обоснования [14, р. 190]. Другие, в том числе Ч. Тейлор, утверждают, что в зависимости от конкретной культуры могут быть предложены различные обоснования одних и тех же прав человека [15]. Третьи, например Ч. Бейтц, отказываются считать права человека выразителями каких-либо принципов справедливости, рассматривая их лишь как конструкцию, выполняющую определенные функции в текущей международной политике [16, р. 102–117]. Вместе с тем другие мыслители пытаются дать философское обоснование правам человека, и среди них следует особо отметить А. Гевирта и Г. Шу, которые к настоящему времени стали уже классиками западной теории прав человека.

А. Гевирт в основу морального обоснования прав человека ставил характеристику человека как морального агента. Он полагал, что хотя само по себе наличие моральной способности не порождает прав, но каждый человек как актер (agent), стремясь быть логически непротиворечивым, должен будет признать у всех людей (таких же agents) наличие так называемых родовых прав на свободу (способность выбирать цели как необходимое условие деятельности) и благополучие (способность реализовывать цели как необходимое условие успешной деятельности). Это обстоятельство ученый пытается обосновать посредством утверждения, что в основе любой моральной системы лежит понятие действия. Для осуществления действий необходимы определенные предпосылки, и среди них общепризнаны добровольность и беспрепятственность (т. е. свобода). При этом важнейшей характеристикой действия Гевирт считает целенаправленность (стремление к благополучию), поэтому для осуществления действия требуются также минимально благоприятные обстоятельства и условия

(благополучие). Каждый агент остается таковым (т. е. способным достигать хоть каких-то целей) лишь при наличии свободы и благополучия, а потому должен воспринимать их как неотъемлемые блага. Он утверждает свое право на эти блага. Но поскольку другие также являются агентами либо претендуют на этот статус, то и они (чисто логически) имеют те же права на тех же основаниях. Так возникают права человека, при обосновании которых Гевирт прибегает к понятию человеческого достоинства (хотя и критикует упоминание этого понятия во Всеобщей декларации прав человека). Базовое благополучие обеспечивается правом на жизнь, физическую целостность и психическое равновесие (basic rights), поскольку они необходимы для любой целенаправленной деятельности вообще. Неотчуждаемость достигнутого уровня благополучия обеспечивается защитой от преступных посягательств (nonsubtractive rights), а рост этого благополучия – правом на образование, информацию и подобными возможностями для соответствующей деятельности (additive rights) [17, p. 235–237; 18, p. 219–226].

Основная претензия, которая высказывается в отношении концепции Гевирта в научной литературе, состоит в том, что она апеллирует к логике, но в действительности совершает скачок от факта к ценности. Кроме того, Гевирт, отталкиваясь от характеристики человека как морального агента, фактически описывает условия достижения каждым человеком своих жизненных целей, а не условия морального выбора. Нравственная способность (свобода воли) уже дана нам в силу человеческой природы и не может быть отнята ни путем лишения свободы, ни путем лишения благополучия. Только совершенно невыносимые условия, препятствующие работе человеческого мозга и раз-

рушающие нашу психику, могут лишить человека нравственной способности.

Г. Шу также трактует основные права человека в качестве минимально разумных требований человека к остальным людям, связанных с возможностью здоровой и активной жизни. Права человека (moral rights), по его мнению, представляют собой некий разумный уровень социальной защиты его бытия от стандартных (предвидимых и устранимых) угроз [19, p. 13, 32]. При этом основными правами человека (basic rights) являются те, использование (enjoying) которых необходимо для использования всех других прав, и поэтому первые не могут быть принесены в жертву вторым [19, p. 19]. К таковым автор относит право на безопасность, право на средства к существованию, право на свободу (передвижения) и право на участие в политической жизни.

Однако, как убедительно показал Т. Погге, ни одно из этих четырех прав, равно как и ни одно право вообще, не удовлетворяет тому определению основных прав, которое предложил Шу (как бы мы ни понимали его термин “enjoying”) [20, p. 113–130]. Именно поэтому Э. Эшфорд, совершенствуя подход Г. Шу, трактует права человека в качестве средств защиты базовых интересов рационального агента, его «минимально достойной и автономной жизни» от стандартных угроз. С этой точки зрения, даже если то или иное право не является строго необходимым для пользования другими правами, оно тем не менее может относиться к правам человека [21]. Обоснование прав с точки зрения некоторых наиболее значимых интересов предоставляют также И. Раз, Д. Уолдрон и Д. Тасиулас, которые, наряду с Г. Шу и Э. Эшфордом, допускают существование таких прав человека, которым корреспондируют лишь несовершенные обязанности¹. Т. Погге также

¹ *Tomalty J. On Subsistence and Human Rights : A Thesis Submitted for the Degree of PhD. St. Andrews, 2011. P. 57–63, 75–81.*

исходит из понимания прав человека как совокупности широко распространенных и принятых ценностей, связанных с представлениями о том, в чем обычно нуждается человек, чтобы иметь «минимально стоящую жизнь» [22, р. 14]. На этом основании автор выделяет три базовых права: свободу совести, политическое участие и основные блага (включая право на средства к существованию), прибегая в своих работах в том числе к отсылкам к человеческому достоинству. Однако последнее из трех основных прав автор трактует узко (как негативное, которому соответствуют лишь совершенные обязанности). Таким образом, хотя предложенное Шу понятие «основные права» многими учеными отвергается, но его же понятие «моральные права» весьма активно используется в обоснованиях прав человека, однако указанные обоснования сталкиваются с необходимостью более четкого определения того, что считать «стандартными угрозами», «наиболее важными интересами», «минимально достойными условиями» и т. п.

Следует отметить, что в западной литературе существует обширная дискуссия относительно вопроса о моральных обоснованиях прав человека. Но рассмотрение двух классических авторов уже показывает две особенности, которые свойственны большинству указанных обоснований: во-первых, отсылка к природе человека как рационального/нормативного/морального агента, во-вторых, отсылка к человеческому достоинству и некоторым представлениям о минимально достойной жизни. Общий вывод состоит в том, что проблема определения достойного минимума касается не только права на достойное существование, но всех прав человека.

Это – прямое следствие стремления выработать такое обоснование прав человека, которое бы охватывало не только личные и политические, но также и социально-экономические и культурные права.

Заключение

Обоснование права на достойное человеческое существование, провозглашенного дореволюционными отечественными мыслителями, сталкивается с определенными теоретическими сложностями. Поскольку это право может рассматриваться как ключевое социально-экономическое право, с аналогичными сложностями сталкиваются и попытки обосновать социально-экономические права в целом (а именно попытки предоставить такие обоснования прав человека, которые бы охватывали, в том числе, и социально-экономические права, что видно на примере западной теоретической мысли). Одним из способов устранения вышеуказанных сложностей является рассмотрение социально-экономических прав лишь как средства, обеспечивающего права личные и политические, а не как средства обеспечения некоторого достойного существования. Но в этом случае право на достойное существование вряд ли можно отнести к универсальным правам человека. Это, впрочем, не мешает каждому конкретному государству, исходя из текущих экономических реалий, гарантировать своим гражданам некий минимальный уровень жизни, однако в этом случае речь будет идти уже не о правах человека, а о правах граждан конкретного государства, причем не о каких-то неотчуждаемых правах, а о правах, моральное обоснование которых зависит от конкретных исторических условий.

Список литературы

1. Сухобок Т. В. Влияние зарубежных учений о социальных правах на российскую политико-правовую мысль начала XX века // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 91–109. DOI: https://doi.org/10.17506/26867206_2022_22_4_91
2. Пашкова Е. В. Место права на достойное существование в системе прав человека // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2014. № 1-2 (1). С. 47–50.

3. Куницын А. П. Право естественное // Русские просветители (от Радищева до декабристов) : в 2 т. М. : Мысль, 1966. Т. 2. С. 204–362.
4. Соловьев В. С. Оправдание добра // Соловьев В. С. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1988. Т. 1. С. 47–580.
5. Кислов А. Г. Вклад русской философии в развитие идеи права на достойное человеческое существование // Русская философия о человекотворческой основе гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам 9-й всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 15–16 нояб. 2012 г.) / отв. ред. С. З. Гончаров. Екатеринбург : Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2012. С. 122–146.
6. Новгородцев П. И. Право на достойное человеческое существование // О праве на существование. СПб. : Т-во М. О. Вольф, 1911. С. 1–13.
7. Новгородцев П. И. Об общественном идеале // Новгородцев П. И. Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010. С. 367–387.
8. Покровский И. А. Право на существование // О праве на существование. СПб. : Т-во М. О. Вольф, 1911. С. 15–48.
9. Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб. : Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 1998. 798 с.
10. Хомченко К. А. Право человека на достойное существование: история возникновения идеи и современные прочтения // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2011. № 2. С. 21–33.
11. Гессен С. И. Правовое государство и социализм // Гессен С. И. Избранные сочинения. М. : РОССПЭН, 1999. 812 с.
12. Гессен С. И. Политическая свобода и либерализм // Гессен С. И. Избранные сочинения. М. : РОССПЭН, 1999. 812 с.
13. Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания // Новгородцев П. И. Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010. С. 35–366.
14. Etzioni A. The Normativity of Human Rights Is Self-Evident // *Human Rights Quarterly*. 2010. Vol. 32, No. 1. P. 187–197.
15. Taylor C. Conditions of an Unforced Consensus on Human Rights // *The East Asian Challenge For Human Rights* / ed. by J. R. Bauer, D. A. Bell. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. P. 124–144.
16. Beitz C. R. The Idea of Human Rights. New York : Oxford University Press, 2009. 250 p.
17. Gewirth A. Why There Are Human Rights // *Social Theory and Practice*. 1985. Vol. 11, No. 2. P. 235–248.
18. Gewirth A. Duties to Fulfill the Human Rights of the Poor // *Freedom from Poverty as a Human Right: Who Owes What to the Very Poor?* / ed. by T. Pogge. New York : Oxford University Press, 2007. P. 219–236.
19. Shue H. Basic Rights: Subsistence, Affluence and U. S. Foreign Policy. Princeton : Princeton University Press, 1980. 236 p.
20. Pogge T. Shue on Rights and Duties // *Global Basic Rights* / ed. by C. R. Beitz, R. E. Goodin. New York : Oxford University Press, 2009. P. 113–130. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:osobl/9780199604388.003.0006>
21. Ashford E. The Alleged Dichotomy Between Positive and Negative Rights and Duties // *Global Basic Rights* / ed. by C. R. Beitz, R. E. Goodin. New York : Oxford University Press, 2009. P. 92–112. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:osobl/9780199604388.003.0005>
22. Pogge T. Human Rights and Human Responsibilities // *Global Responsibilities: Who Must Deliver on Human Rights* / ed. by A. Kuper. New York : Routledge, 2005. P. 3–35.

References

1. Sukhobok T.V. The Influence of Social Rights' Foreign Teachings on the Russian Political and Legal Thought at the Beginning of the 20th Century. *Antinomies*. 2022;22(4):91-109. DOI: https://doi.org/10.17506/26867206_2022_22_4_91 (In Russ.)
2. Pashkova E. V. The Place of the Right to a Dignified Life in the Human Rights System. *Russian Science and Education Today: Problems and Prospects*. 2014;1-2:47-50. (In Russ.)
3. Kunitsyn A. P. The Natural Law. In: *Russian Enlighteners (from Radishchev to the Decembrists)*. Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ.; 1966. P. 204–362. (In Russ.)
4. Solov'ev V. S. Justification of Goodness. In: Solov'ev V. S. *Essays*. Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ.; 1988. P. 47–580. (In Russ.)
5. Kislov A. G. Russian Philosophy's Contribution to the Development of the Idea of the Right to a Dignified Life. In: Goncharov S. Z. (Ed.). *Russian Philosophy on the Human-Making Basis of Humanitarian Education*. Yekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical University Publ.; 2012. P. 122–146. (In Russ.)
6. Novgorodtsev P. I. The Right to a Dignified Life. In: *On the Right to Life*. St. Petersburg: M. O. Vol'f Partnership Publ.; 1911. P. 1–13. (In Russ.)
7. Novgorodtsev P. I. On the Social Ideal. In: Novgorodtsev P. I. *Selected Works*. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2010. P. 367–387. (In Russ.)

8. Pokrovskii I. A. The Right to Life. In: *On the Right to Life*. St. Petersburg: M. O. Vol'f Partnership Publ.; 1911. P. 15–48. (In Russ.)
9. Kistyakovskii B. A. *Philosophy and Sociology of Law*. St. Petersburg: Russian Christian Institute for the Humanities Publ.; 1998. 798 p. (In Russ.)
10. Khomchenko K. A. The Right to a Decent Existence: History of Ideas and Modern Reading. *Proceedings of the Institute of State and Law*. 2011;2:21-33. (In Russ.)
11. Hessen S. I. The Rule of Law and Socialism. In: Hessen S. I. *Selected Works*. Moscow: ROSSPEN Publ.; 1999. 812 p. (In Russ.)
12. Hessen S. I. Political Freedom and Liberalism. In: Hessen S. I. *Selected Works*. Moscow: ROSSPEN Publ.; 1999. 812 p. (In Russ.)
13. Novgorodtsev P. I. The Crisis of Modern Legal Awareness. In: Novgorodtsev P. I. *Selected Works*. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2010. P. 35–366. (In Russ.)
14. Etzioni A. The Normativity of Human Rights Is Self-Evident. *Human Rights Quarterly*. 2010;32(1):187-197.
15. Taylor C. Conditions of an Unforced Consensus on Human Rights. In: Bauer J. R., Bell D. A. (Eds.). *The East Asian Challenge For Human Rights*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 124–144.
16. Beitz C. R. *The Idea of Human Rights*. New York: Oxford University Press, 2009. 250 p.
17. Gewirth A. Why There Are Human Rights. *Social Theory and Practice*. 1985;11(2):235-248.
18. Gewirth A. Duties to Fulfill the Human Rights of the Poor. In: Pogge T. (Ed.). *Freedom from Poverty as a Human Right: Who Owes What to the Very Poor?* New York: Oxford University Press, 2007. P. 219–236.
19. Shue H. *Basic Rights: Subsistence, Affluence and U. S. Foreign Policy*. Princeton: Princeton University Press, 1980. 236 p.
20. Pogge T. Shue on Rights and Duties. In: Beitz C. R., Goodin R. E. (Eds.). *Global Basic Rights*. New York: Oxford University Press, 2009. P. 113–130. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:osobl/9780199604388.003.0006>
21. Ashford E. The Alleged Dichotomy Between Positive and Negative Rights and Duties In: Beitz C. R., Goodin R. E. (Eds.). *Global Basic Rights*. New York: Oxford University Press, 2009. P. 92–112. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:osobl/9780199604388.003.0005>
22. Pogge T. Human Rights and Human Responsibilities. In: Kuper A. (Ed.). *Global Responsibilities: Who Must Deliver on Human Rights*. New York: Routledge, 2005. P. 3–35.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николай Александрович Шавеко, старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (ул. Софьи Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620108, Российская Федерация), кандидат юридических наук; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5481-7425>; e-mail: shavekonikolai@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Nikolai A. Shaveko, Senior Researcher at the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (16 Sofia Kovalevskaya st., Yekaterinburg, 620108, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5481-7425>; e-mail: shavekonikolai@gmail.com

Поступила | Received
06.01.2024

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
22.01.2024

Принята к публикации | Accepted
23.01.2024